

ВИТАЛИИ
БИАНКИ

Н а ш и П т и ц ы

РИСУНКИ Е. БИАНКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 6 9

ПТИЦЫ — ВЕЗДЕ

На всём земном шаре нет такого уголка, куда бы не залетали птицы.

Вот смелые полярники прибыли на самолётах на самый конец света, в край полуночный, ледяной, где и наша Родина кончается, — словом, на Северный полюс. Сели на льдину, раскинули на ней палатки — и стали жить. Скучать было некогда: работали. А всё-таки тоскливо бывало: уж очень одиноко. До людей далеко-далеко, кругом море да лёд — всё мертво, ни одного живого существа.

Вдруг — пик-пик-пик! — здравствуйте! Прилетели на льдину пуночки — маленькие чёрно-белые птички, снежные подорожники.

И порадовались тут, и подивились полярники. Ведь пуночки — сухопутные птицы, а на Северном полюсе не только земли — островка маленького нет. Зимой, когда в тундре — на родине подорожников — землю скрывает глубокий снег, они летят искать себе еду чуть

не по всей нашей Родине — до самого Чёрного моря. Пропадут с голоду пуночки в ледяной пустыне Северного полюса.

А они чирикают себе весело, поклёвывают что-то в снегу. Видно, сыты, нашли даже здесь какие-то семечки, зёрнышки, может быть, и насекомых каких-нибудь.

После пуночек прилетел полярный чистик (1).

А этому что здесь надо?

Чистик одинаково хорошо летает по воздуху и под водой. Под водой он тоже машет крыльями и догоняет мелкую рыбёшку. Верно, за рыбкой и разной водяной мелочью он и примчался на Северный полюс.

А третьим гостем был глупыш — белый буревестник (2), похожий на большую чайку.

Глупыш — вечный скиталец. Молча, неумоимо летит он за кораблями, уходящими в океан. Провожает их на много суток пути от земли и подбирает всё съедобное, что выбрасывают моряки за борт. Уж не захотелось ли ему проведать, нет ли и для него чего-нибудь вкусенького у запасливых полярников?

ТУНДРА

Ледовитый океан окружает с севера всю нашу Родину. На его островах и по всему берегу — тундра: ровное, глубоко промёрзшее болото. Леса там нет: ведь не назовёшь лесом берёзки ростом ниже травы.

Великое множество птиц живёт в Северном Ледовитом океане. Летом они собираются на торчащих из воды скалах: где же больше и выводить им детей?

Скопища птиц на скалах называют «птичьими база-

рами». Тут и вправду, как на базаре: шум, гам, давка, драка. Но худо ли, хорошо ли — тут уживаются всё-таки рядом чистики, разные чайки (1), тупики (2), гагарки (3), кайры (4). А вот беда, если покажется вблизи быстрый и вёрткий поморник — фомка-разбойник (5). Чайки ловят рыбёшку для своих птенцов, а фомка-разбойник нападает на чаек и отбираёт у них добычу.

Ещё хуже, если на птичий базар поведется летать громадная хищная чайка — бургомистр (6). Он безжалостно разбивает и глотает яйца, целиком глотает даже больших оперяющихся птенцов.

В тундре выводят птенцов красавцы лебеди (1), большие гуси — гуменники, белолобые малые гуси — казарки: белощёкая, чёрная, краснозобая; утки гаги (2), нырковые утки: чернети, тонкохвостая морянка, пёстрая каменушка, чёрная синьга.

В море плавают, ныряют гагары (3), над морем —

крачки (4), по берегу бегают всевозможные кулики (5) и кулички (6): зуйки-галстучники, крошечные кулички-воробьи, красивые пёстрые турухтаны, чернозобики, краснозобики, песчанки.

Вдруг свистнет какой-нибудь куличок — и все птицы насторожатся: приближается могучий орлан-бело-

хвост (7). Но не за птицей он сюда прилетел: ловить большую рыбу в море. Птицам куда страшней быстрые как вихрь соколы — сапсаны, они ловят на лету куликов, уток, даже гусей.

В тундре гнёзда пуночек и рюмов — рогатых полярных жаворонков.

Летом в тундре не заходит солнце, и большая белая полярная сова принуждена охотиться при ярком свете.

Придёт зима — и улетят из замёрзшей тундры птицы. Только полярные куры — белые и тундровые куропатки — умудряются находить себе пропитание даже при глубоком снеге.

ЛЕСА

Всю середину нашей Родины широко опоясывают леса, тайга, мрачные урманы, весёлые рощи. Разных птиц здесь гораздо больше, чем в тундре. Не перече́шь одних певчих птичек: скворец, полевой и лесной жаворонки, чиж (1), щегол, зяблик (2), чечётки, жёлтенькие пеночки, малиновый щур, красивый с хохликом свистель. В сумраке леса живут красногрудая зарянка (3), темнопёрая завирушка, соловей-красношейка, славка-черноголовка, мухоловки. В хвое еловых лап лазают крошечные желтоголовые корольки, в корнях и валежнике шныряет птичка-мышь — подкоренник (4). Много здесь разных ворон: серая и чёрная, белоносый грач, белоглазая галка, большой вóрон, рябая кедровка, кофейная кукша, голубокрылая сойка (5).

Без леса не могут жить дятлы (6), рябчик, глухарь (7), тетерев, вяхирь (8), ястреба, кулики—вальдшнеп и черныш. В дуплах деревьев находят себе приют не только маленькие птички-синицы, горихвостка, мухоловка-пеструшка,—даже разные утки: зубастые крохали, мандаринка, гоголь (9), и дикий голубь клинтух, и совы (10), и сычи. На высоких деревьях гнезда соколов, орлов, цапель.

В дремучих лесах не найдёшь птиц с такими длинными крыльями, как в тундре и над морем, таких замечательных летунов. Мешали бы летать лесным птицам длинные крылья, задевали бы за ветки и стволы, путались бы в чаще. У лесных птиц крылышки короткие, круглые, а держаться в воздухе им помогает длинный хвост. Ловко проскальзывают в чаще длиннохвостые сороки (11). Прошло бы тельце с крылышками, а хвост за ним пройдёт, как нитка за иголкой.

Лесные птички быстро-быстро машут крылышками, полёт у них неровный, короткий: им всегда найдётся, где присесть.

Но и в лесах есть вечные скитальцы, такие же, как в море белый глупыш, что прилетел на Северный полюс. Это — клесты. Они всю жизнь стайками перелетают из леса в лес: ищут, где хороший урожай шишек.

СТЕПИ

За лесами, ближе к тёплым границам нашей Родины, широко раскинулись степи. И в степях много таких птиц, каких нет ни в лесах, ни в тундре.

В сухой, нетронутой пахарем степи расхаживают тяжеловесные, похожие на громадных кур дудаки или дрофы (1) и некрупные их родичи — стрепеты (2). Тут живут хохлатые и чёрные жаворонки, розовые скворцы, быстроногие бегунки, кречетки, быстрокрылые тиркушки (3), большие кулики — кроншнепы (4), веретен-

ники (5), авдотки (6), и лёгкие журавли-красавки, и махонькие куры — перепёлки (7), и серая куропатка.

В жарких степях мало воды. Зато уж где озеро или бежит речка — туда густо набивается всякая птица: серые, жёлтые, рыжие, белые цапли (8) и чепуры, колпик с носом как ложка (9), маленькие чайки — крачки, поганки (10), кулички: ходулочник и шилоклювка (11), водяной пастушок (12), болотные курочки и курицы, смешная утка-савка (13) и красная утка — пеганка и чёрная — лысуха (14).

Среди степей в морских заливах сообща ловят рыбу бабы-птицы — пеликаны и чёрные проворные

бакланы: пеликаны загоняют её в залив, бакланы ныряют за ней под воду.

И над безводной степью и степными реками, озёрами, заливами кружат красные коршуны, парят орлы-курганники, проносятся стремительные сокола — балобаны; трепещут крыльями, висят в воздухе, словно к облакам на ниточке подвешенные, соколки-пустельги; медленно над самой травой пролетают луни.

В степных просторах, как в море и в тундре, много прекрасных летунов, половину своей жизни проводящих в воздухе.

фазан

ГОРЫ И ПУСТЫНИ

А южные, жаркие границы нашей Родины замыкают высокие горы и песчаные пустыни.

Высоко в горах гнездятся орлы — беркуты (1), громадные грифы — чёрный гриф-монах (2), сип белоголовый (3), бородач-ягнятник (4). Распластав крылья, прыжочками передвигается по отвесным голым скалам краснокрылый стенолаз (5), прячутся в выбоинах камней над пропастями желтоносые и красноногие галки (6) и дикие голуби-сизяки; на лугах под снежными вершинами вместе с горными козлами пасутся серые улары — горные индейки (7), а пониже их — кеклики — красивые горные куропатки (8).

В широких долинах между гор, в густых колючих кустарниках живут великолепные фазаны, цветные, яркопёрые, длиннохвостые, а в болотах — расписанная в пурпурный, зелёный, синий, голубой, чёрный и белый

цвета султанская курица. Не уступает ей в яркости красок только разве лесная утка мандаринка с ржаво-красными пёрышками на крыльях, с жёлтыми боками, с фиолетовой грудью, с красным носом и в бронзово-зелёной шапочке с хвостиком.

А в пустыне? Там ветер перегоняет с места на место зыбучие волны песка. Что там делать птицам, как жить, чем кормиться?

Но нет места на всём земном шаре, куда бы не залетали птицы. В наших пустынях живёт кулик-бегунок — птица-скороход. Она широкими шагами обегает свой охотничий участок и всегда находит в песках пищу себе и даже своим птенцам. И странная птица — не то куропатка, не то голубь — с копытами на ногах — саджа, или копытка. И не так птицам страшна пустыня голодом, как тем, что нет в ней воды.

Но и тут выручают птиц крылья.

Копытка очень далеко улетает от гнезда на водопой и детям своим приносит воду в клюве.

саджа

Белурюк

ПТИЧЬИ СУТКИ

Весной коротка ночь и короток сон дневных птиц, долог сон птиц ночных. Чуть свет — и первым зазвенел в небе жаворонок, каркнула ворона, донеслось издали «ку-ку!». Птицы одна за другой просыпаются и запевают. В ветвях, в кустах, в траве мелькают хлопотливые крылья, гомон птичьих голосов наполняет воздух.

И так до полудня.

В самый полдень — к той минутке, когда солнце станет как раз над твоей головой, птицы затихают, замолкают совсем... Они попрятались в тень. Отдыхают. Дремлют.

Но вот солнце перевалило на другую половину неба, начало незаметно спускаться, и опять замелькали крылья, раздались песни, крики, писк.

Солнце на покой — и птицы на покой: спать.

Самочки спят в гнёздах, защищают своим тёплым тельцем нежные яйца и птенчиков от ночной прохлады и сырости.

Самцы спят поблизости в укромных уголках, где придётся.

Спят ночью птицы, но не все.

Чуть смеркнется, вылетают на охоту совы. Берегись, мыши, зайчата, птицы — все, кто плохо спрятался! Неслышно раздвигают тьму пуховые крылья сов. Не успеешь и пискнуть, как над тобой зажгутся круглые глаза и в сонного вонзятся острые кривые когти.

Большой филин гулко ухает в тёмной глубине леса: «У-гуу! У-гуу!» От его страшных когтей не спасётся и ёж своими колючками.

На покрытом туманом лугу надрывно кричит коростель-дергач: «Крек-крек! Крек-крек!» — как траву стрижёт ржавыми ножницами.

На озёрах, реках, на болотах плещутся, побрякивают утки: они по ночам жируют-кормятся, а днём дремлют. Стоя на одной ноге по колено в воде, опустив нос, караулит рыбок и лягушек ночная цапля — кваква.

Беззвучной тенью мелькает в ночном воздухе серенький козодой-полуночник. У него крошечный клювик и широкая пасть. На лету он ловит в неё сотнями комариков и мух. А запоёт — смешно слушать: точно всё накручивает ручку патефона и вдруг крыльями — хлоп, хлоп! — точно в ладоши хлопает.

И всю ночь, всю ночь напролёт в кустах свищет и щёлкает, рассыпается соловей. Только в полночь, в самую полночь, когда ночь переламывается, помолчит немножко, как все птицы и звери, и опять поёт.

Так весной и летом.

А осенью? А зимой?

Короток зимой день, длинная ночь. И долго спят

цапля-кваква

сова

дневные птицы. Зато совам, филину много времени для охоты.

Куда от них спрячешься? Гнёзд нет: гнёзда только летом для яиц и птенцов. Лиственные деревья стоят голые. И вот забираются дневные птицы на ночь куда: кто под защиту еловых лап, кто в дупло, кто под куст. А тетерева, рябчики, куропатки с разлёту бух в снег! Устроят себе там спаленку и ночуют. Им тепло под снегом, и уж там никто их не увидит. Спят спокойно.

ПТИЧИЙ ГОД.—Весна.

Прилёт, пролёт, отлёт

Весну открывают птицы. Но велика наша Родина, и в разных её краях открывают весну разные птицы: под Москвой, Ленинградом, на Украине первым прилетает белоносый грач (1), на севере — серая ворона, в Сибири — галка.

Чуть появятся первые проталинки, уже тут как тут чибис (2), скворец (3) и жаворонок (4). А растопит солнце лёд на реках, — глядь, на поляньях уже сидят утки, по берегам суетятся белые трясогузки (5), в небе звонко, торжественно трубят лебеди, гогучут гуси, вьются над водой чайки.

Шумными стаями перелётных наполняются воды, леса, степи. Одни птицы остаются здесь — эти здесь и сами родились, здесь будут и детей выводить. Другие летят дальше на север: это пролётные, они там родились и гнездятся. И в это же время идёт отлёт от нас: подорожники, чечётки, чижи, снегири, свиристели, белая полярная сова. Только на зиму к нам прилетали. Теперь спешат домой, на север, там тоже потеплело, опять можно жить. Даже вороны, которые были у нас зимой, не наши вороны, а северные. Они отлетают, с юга прилетают наши. Но мы этого даже и не замечаем, потому что весь год все наши вороны серы.

Прилёт идёт не как попало, а в строгом порядке: первыми к нам весной прилетают те птицы, что улетали от нас последними осенью; последними — те, что улетали первыми.

Птички, которые собирают на земле зёрна или клю-

ют почки — зяблики, щеглы, коноплянки, прилетают раньше. Мухоловки, горихвостки (6), ласточки, козодои, стрижи ждут, когда вылетят мухи, комары, бабочки. Всем в глаза бросилась бы на голой земле, в голом лесу золотая иволга, жёлтая трясогузка, яркие разноцветные щурки, сизоворонка, чеканчики, если бы они явились, когда ещё у нас ни травы на земле, ни листьев на деревьях. Они прилетят, когда солнечные зайчики заиграют в траве и листве, когда яркий свет сделает их яркое цветное оперение не таким заметным.

И воздушные дороги у разных перелётных разные. Одни стаи тянут из года в год, из поколения в поколение вдоль морских берегов, другие — над реками, третьи — по лесам, полям и перелескам. Тянут из года в год одинаково, как по ниточке, и ни одна стая даже ночью не собьётся со своего пути, разве только попадёт в густой туман или бурей занесёт её в сторону.

Выстраиваются птицы в пути по-разному. Треугольником строятся на полёте журавли.

Некоторые кулики летят редкой цепочкой, гуси вытягиваются длинной вожжой. А лесные мелкие птахи — просто кучкой, а в кучке то и дело все меняются местами.

А что в это время делают те птицы, которые и не улетали от нас на зиму?

Ворон, сорока, сойка, воробей, рябчик, тетерев, глухарь, филин и многие другие давно уже встретили весну, радуются ей, кто как может. Куропатки, синицы, чижи жили зимой дружными стаями, а пришла весна — и дружба врозь: живут парочками, а тетерева и глухари даже поодиночке: каждая самочка отдельно и каждый самец сам по себе.

3

2

5

ПТИЧИЙ ГОД.—Весна

Песни, пляски, игры

Весной птицам настаёт время петь. И они поют до половины лета, пока не вырастут их птенцы.

Кто не умеет петь — кричит.

Сильноголосые журавли курлыкают по зорям так громко, что их слышно за несколько километров. Лебеди, пролетая в поднебесье, трубят оттуда, будто в большие звонкие трубы. Страшно ухает в ночи филин, и жутко, нечеловеческим голосом хохочут большие совы-неясыти, а маленькая совка-сплюшка выговаривает нежным голосом: «Сплю! Сплю!...» Лесной голубь витютень, густо воркует: «На дубу-у сижу, витютень! На дубу-у сижу, витютень!» — и вдруг взовьётся, как в ладоши, звонко захлопает крыльями.

Громкие звуки умудряются издавать даже те птицы, у которых голос слаб и непевуч, даже совсем безголосые.

Аист резко трещит двумя половинками своего длин-

ного клюва — как трещотка трещит. Дятел носом об сухой сук звонко выбивает барабанную дробь. Рыжая выпь ткнёт нос в воду, дунет в него — получается у неё громкий рёв. А бекас, залетев в высоту, мчитя оттуда вниз головой, и ветер играет пёрышками его хвоста, и слышится будто барашек блеет в вышине.

Некоторые птицы пляшут.

Весь раздувшись как индюк, хвост поставив торчком и распушив усы, важно расхаживает вокруг своей самки тяжёлый дрофич — и вдруг начнёт семенить, семенить ногами, приплясывать, кружиться на месте и подпрыгивать: хоть неуклюжий, а танец. Пляшут, собравшись в круг, долгоногие журавли — выкидывают пресмешные коленца. Пляшут в воздухе сокола: то взмоют под облака, то падают вниз, перекувыркиваются через голову.

И общие игры есть у птиц.

Соберутся у воды кулички-турухтаны. Все с пышными цветными воротниками из перьев. Двух одинаковых не увидишь: чёрный, жёлтый, рыжий, коричневый, пёстрый — у каждого свой цвет. И вот начинают: угрожая клювами, наступают друг на друга, как щитами, прикрываются воротниками, пригибаются к земле, кружатся, подсакивают, отсакивают, перескакивают друг через друга. Издали подумаешь — тут сошлись на битву большие яркие цветы. Но грозная битва не страшна: дерутся нарочно, это только игра.

Клювики-то у турухтанов мягковаты: ударишь — они и погнутся.

Другое дело — тетерева-косачи. Их тока на лесных полянках — настоящие бои. Звонко бормочут, сердито чуфыкают, пружат упругие крылья. Нос к носу, голова к земле, красные брови налились кровью. И вдруг оба разом подскочат, грудью ударяются в воздухе, бьют друг друга крыльями, крепкими клювами, — пух летит, перья, кровь брызжет. Нередко сильно покалеченным улетает побеждённый с поля битвы. Птицы-самочки ни в боях, ни в играх, ни в плясках не участвуют. Они и не поют.

У них другие заботы.

Бекасе

тетерева-косачи

ПТИЧИЙ ГОД.— Лето.

Гнезда

Три главных, три самых важных заботы летом у птиц-самочек. В этом деле помогают им и самцы.

Первая забота — гнездо свить для детей.

Не легко без рук, без топорёнка построить избёнку. А вот мастерят ведь птицы так, что диву даёшься.

Лёгкой колыбелькой висит в воздухе гнездо иволги. Оно подвешено к ветке-вилке, и вплетены в него лоскутки берёзовой коры.

Уютное гнёздышко синицы-ремеза — как рукавичка из травяного пуха. Шариком — гнёзда подкоренника, зяблика, щегла, чижа. А у пеночки-веснички — шалашик на земле, вход сбоку.

Лучшие мастера-строители — певчие птицы. Они завивают свои гнёзда из травинок, соломы, стеблей, листьев, мхов, лишайников, а внутри устилают перь-

ями, конским волосом, шерстинками — для тепла и мягкости. Самец таскает материал, а строит самочка.

Но утка делает гнёзда одна, без селезня, и всякая кура — без петуха.

Певчий дрозд обмазывает гнездо изнутри древесной трухой, смешанной с его клейкой слюной; оно и крепко и мягко. А славка-черноголовка скрепляет травинки паутиной.

ласточки деревенские

Ласточки городская и деревенская лепят домики свои из мягкой земли, длинноногий краснокрыл-фламинго собирает в кучу прибрежный ил да тину.

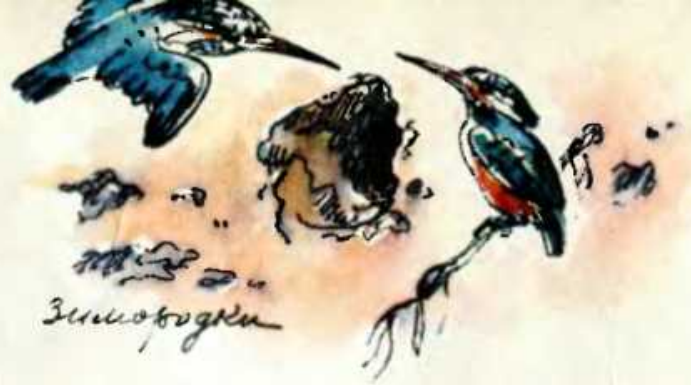

сорока

Собственным носом дятлы долбят деревья, выдалбливают в них дупла. Береговушки-ласточки, красные утки, зимородок роют в берегах глубокие норки. Береговушки устраивают там подстилочку из соломы и перьев, утки — из своего пуха, а зимородок — из тонких рыбьих косточек.

Сорока строит гнездо с крышей из сучьев, а лоток делает в нём из глины. Такие же гнёзда, только без крыши, делают себе вóрон, грачи и вороны, а лесной

Зимородка

голубь — вѣтютень — только немного прутиков укрепит на ветках, и всё. У вѣтютня уж не дом, а один только пол, да и тот дырявый: яйца сквозь него просвечивают.

Многие птицы сами себе не устраивают гнёзд, а кладут яйца в дятловые старые дупла, в расщелины скал, в разные укромные местечки. Хищники — сокола, ястреба — те часто просто отбивают гнёзда у вóрон и других птиц.

А есть и такие, что обходятся совсем без гнёзд.

Кулики кладут яйца в маленькие песчаные лунки, козодой-полуночник — на землю, а кайра даже прямо на скалу.

Всякая птица старается устроить себе гнездо посочаснее от злых глаз. Кто не умеет спрятать его, маскирует гнездо под то место, где его строит.

Некоторые устраивают себе гнёзда рядом друг с другом целыми обществами, или, как говорят, колониями. Колониями гнездятся в садах и рощах дрозды-

Козодой

рябинники; на песчаных отмелях и островах или на плавнях, на полёгшем камыше — чайки, пеликаны, крачки; в крутых обрывах — ласточки-береговушки; цапли — на деревьях.

Хищные птицы замечают, конечно, эти гнёзда издали. Но кто отважится к ним приблизиться? Если и сунется, — не обрадуется. Стоит одной птице поднять тревогу — все колонисты мигом встают на защиту своих гнёзд, и тут уж налётчику только поскорей унести ноги.

На птичьих базарах, в обрывах соединяются в колонии даже разные птицы.

Недаром и воробей, бывает, совьёт себе гнёздышко в огромном гнезде орла. Орёл на такого малыша и внимания не обращает: воробей для него не добыча. А попробуй-ка хоть кошка сунься к воробьиному гнёздышку! Придётся ей дело иметь с орлом. А с ним кошке не тягаться: мигом разорвёт.

орёл и воробей

Колония
Крачек

ПТИЧИЙ ГОД.—Лето.

Яйца

Вторая птичья забота: яйца снести и высидеть птенцов.

Как только гнездо готово, начинает самочка класть яйца. Разное число их кладут разные птицы. У грифов одно яйцо, у орлов — два. У певчих птиц от четырёх до семнадцати яичек; у серой куропатки — до двадцати четырёх.

В день большинство самок несёт по одному яйцу, и пока не закончит кладки, высиживать не сядет. А села, тогда уж сиди, не слезай, а то яйца остынут и птенчики в них замрут.

Хорошо у певчих птиц: мать сидит, парит яйца, а отец носит ей еду. Захочет мать прогуляться, отец на её место сядет. Но как же быть тем птицам, у которых мать одна ведёт всё гнездовое хозяйство, одна о детях

гнездо
утки-гаги

заботится, а отец в это время неизвестно где летает? Как быть, скажем, уткам? Уточка высиживает дней двадцать и больше. Ведь не может она так долго голодом сидеть.

Уточка делает так: сидит, сидит, а как проголодается, сойдёт с гнезда, яйца прикроет тем пухом, что выщипала у себя с брюшка и груди и всё гнездо обложила, и летит наспех похватать корма.

Под тёплым пуховым одеяльцем долго не стынут яйца — вот и хорошо. А ещё хорошо, что под ним никто не заметит яиц. Утиные яйца белые, их далеко видно, если гнездо на земле. А любителей поживиться свежими птичьими яйцами так много: и звери, и хищные птицы, и змеи. Не важно, как окрашены яйца, если они лежат глубоко в дупле, или в тёмной расщелине скалы, или в норке под землёй, — одним словом, если они хорошо спрятаны от чужих глаз. У дуплогнездинок яйца белые, розовые, голубые. Но не уцелеть бы яйцам диких кур, куликов, чаек, козодоя — всех тех

птиц, которые несутся прямо на земле и прикрывать свои яйца не умеют. Ни за что не уцелеть бы им, если б у этих птиц яйца не были такого же цвета, как земля, на которой они лежат. Трудно заметить жёлтые с пятнами яйца куличка-галстучника, когда они лежат в ямке на жёлтом песке среди разноцветных камешков — гальки. Выходит, не случайно так по-разному окрашены яйца разных птиц.

Кулик-галстучник
у гнезда

Не случайно они и величины и формы разной.

Скворец вдвое больше крошечного куличка-воробья, а яйца у них одинаковой величины. Как бы самочка куличка-воробья прикрыла их все сразу своим тельцем, если б они с одного конца не были такие острые и не лежали острыми носиками все вместе? А если б и у кайры были не такие остроносые яйца, они живо скатились бы с голого камня! Яйцо кайры напоминает грушу, — и самый сильный ветер не снесёт его со ска-

гнездо
шестика

лы: как ни дуй, такое яйцо будет только крутиться, а никогда не укатится.

Разное время насиживают птицы свои яйца. Маленькие певчие птахи всего дней одиннадцать — двенадцать; дикие куры, утки — двадцать — тридцать дней, а орлы — месяц.

Когда птенчику настаёт время выходить из гнезда, слышно, как он там пикает и возится. На носике у него в то время бывает твёрдая пупырышка — яйцевой зуб. Им птенец скребёт и царапает изнутри яичную скорлупу, пока она не сломается. Мать сейчас же уносит скорлупки подальше от гнезда.

А птенчик начинает жить на свободе, и яйцевой зуб отпадает с его носика: больше он птенцу не нужен.

вылупляются
зубчата

ПТИЧИЙ ГОД.—Лето.

Птенцы

Третья птичья забота — птенцов вскормить.

У певчих птиц птенчики рождаются совсем беспомощными: слепыми, голенькими. Если б родители не грели и не кормили их, они погибли бы.

Но скоро у птенцов на тельце вырастет пух, и им уже теплее. Потом у них под кожей темнеет: там начинают расти синеватые трубочки — стволья перьев.

Синеватые только
родились

И птенцы
оперяются

молодые хищники

Трубочки вылезают наружу, а птенцы всё ещё слепые, только и умеют, что рот разевать да пищу. Но вот их глаза открываются, трубочки на концах лопаются, из них выходят мягкие бородки перьев — кисточки. Кисточки растут и растут, птенцы оперяются. У них ещё коротенькие крылышки и хвостик, но они уже выходят из гнезда. Силёнок у них теперь только-только чтобы перепорхнуть с ветки на ветку, пролететь несколько шагов. Всё ещё они пищат, разевают рты, чтобы родители сунули туда что-нибудь съедобное, вкусное. И пройдёт ещё несколько дней, пока они научатся как следует летать и отыскивать себе еду.

Хищные птицы рождаются покрытые пухом, но хлопот с ними родителям не меньше. Долго они не вылетают из гнезда, а когда вылетят, отец и мать ещё много времени остаются с ними и учат трудному делу — охоте на птиц и зверьков.

Другое дело — разные утки и куры. Птенцы у них рождаются зрячими и хорошо одетыми. Маленький рябчо-

нок только обсохнет после выхода из яйца — и уж вскакивает на ножки, бежит за матерью. Утёнок сразу после рождения лезет в воду, плавает, а если опасность, так и ныряет. Это ребята шустрые, боевые.

А всё-таки и с ними много хлопот матери. Тетёрка не отходит от своих цыплят, пока они не вырастут. Разрывает ногами землю, ищет еду, сзывает их всех вместе и сама не станет есть, пока маленькие не наедятся досыта. Утка тоже учит своих утят разыскивать еду, а устанут маленькие плавать, она пустит их всех к себе на спину — отдохнуть, почиститься, обсохнуть.

Птицы-матери зорко берегут своих малышей от всех опасностей и за них готовы отдать свою жизнь.

Подойдёт человек к утятам или тетеревиатам, крикушка или тетёрка вертится у него перед самым носом, припадает на крыло, как раненая, еле двигается. Человек за ней кинется, кажется — вот-вот поймает. Но птица-мать только отводила его от птенцов: она вдруг взлетит, даст широкий круг по воздуху — и вернётся к своему выводку так, что её и не увидишь.

Чёмга-нырец в минуту опасности собирает своих птенчиков под крылья и ныряет с ними под воду.

Кукүшка

А слабенькая пигалица, защищая птенцов, кидается, нападает даже на собаку.

Одна только есть птица-мать, которая не высидит, не выкармливает и совсем не заботится о своих детях. Она и гнезда не завивает. Снесёт яйцо, возьмёт его в клюв и незаметно подложит в чужое гнездо. И другие птицы заботятся об её детях, высидывают, выкармливают и защищают их.

Имя этой удивительной птицы знают все — кукушка.

Утка-кряква с утятами

ПТИЧИЙ ГОД.—Осень.

Линька, кочёвка, отлёт

Вот, наконец, вскормлены птенцы, научились летать и разыскивать себе еду.

Линяют птицы: теряют старые, постёршиеся перья, на их место отрастают новые. Линяют молодые, исподволь, потихоньку надевают свой взрослый наряд. Линяют старики. Селезни ещё летом вылиняли, — в августе их не отличить от уток. Теперь опять линяют, надевают свой яркий зимний наряд.

Все те самцы, которые не касались гнездовых дел, давно забралась в крепи — в глухие места, куда не продерёшься. Тетерева-косачи — в лесные чащи. Куда девалась их весенняя краса! В крыльях у них дыры от выпавших больших перьев, хвост без косиц, куцый. С трудом летает косач в разгар линьки, потому и забирается в крепи от всех своих врагов. А гусям и уткам ещё хуже приходится: они в это время совсем летать не могут, хоть руками их бери.

Певчие птицы держатся выводками и понемножку отдаляются от гнезда. К одному выводку присоединяется другой. Образуются стайки. Стайки кочуют всё шире и шире; стайки растут.

И скоро перелётным настаёт время отправляться в далёкое путешествие.

Некоторые из наших птиц улетают удивительно рано. Взять хоть стрижа.

Лето ещё. Тепло. В воздухе много мух, комаров. Ни холод, ни голод будто не гонит от нас быстрокрылых стрижей. Но стрижи уж собрались в стаи, каждое утро куда-то далеко улетают от своих гнёзд, только на ночь

возвращаются домой. И вдруг совсем исчезли. Теперь их не увидишь до будущего лета.

Ещё прошёл месяц. Уж облетают листья с деревьев. Сиротливо чернеет на ободранной берёзе мокрая от дождей скворечница. Давно не видно её весёлых жильцов: тоже, верно, улетели. Вдруг — что такое? — из скворечницы высунулся жёлтый нос, блеснул тёмный глазок. Да это скворчиха! И скворец рядом на ветке — тихонько, будто про себя поёт. Прилетели проститься с родным домиком. И в ту же ночь отправились со своей стаей за тёплые моря.

Ночью лучше лететь: меньше опасностей в пути. А видят птицы при яркой осенней луне хорошо.

Всю ночь слышен свист крыльев в вышине: криканье, неторопливое гоготанье. Это — пролётные утки и гуси — казарки.

Гуси особенно осторожны. Вот стадо весёлых краснозобых казарок опустилось на песчаную отмель среди широкой реки — подкрепиться и отдохнуть. Молодёжь сейчас же повздорила — и в драку. А старики уж караул выставляют: с каждой стороны стада по сторожу.

Молодёжь так же быстро успокоилась, как и подралась. Уж спят все, подвернув голову под крыло, поджав одну ногу. Не спят только караульные.

Мало ли что может случиться? Вон лодочка чернеет в волнах: тащат сеть рыбаки. А может быть, у них там в лодке ружьё?

Или перелётный сокол-сапсан появится вдали. Он из самой тундры летит с казарками, то отстанет, то обгонит стадо, то вдруг покажется совсем близко. А если опасность? Тогда сторожам надо заготовить, разбудить товарищей, чтобы все были готовы спастись.

Гуси старые и молодые, только этим летом родившиеся, летят вместе. И можно думать, что старики показывают дорогу молодым.

А как же кукушки?

Кукушки — отцы и матери — улетели уже в конце лета. А кукушата только ещё учатся жить самостоятельно. Только что их покинули заботливые маленькие птички, высилавшие их из яиц и вскормившие.

А дорога далёкая, очень далёкая. Как же находят её кукушата? Ведь они недавно только родились на свет у нас и нигде ещё не бывали!

Вот это загадка!

Её никто ещё не разгадал.

Кукушата самостоятельно отправляются в путь — к своим зимовкам в Африке.

В стаи они не собираются, летят поодиночке. И с дороги не сбиваются, в свой срок прилетают в Африку.

Серые гуси

ПТИЧИЙ ГОД.—Осень.

В пути

В пути много бед ждёт перелётных птиц.

Тёмной ночью летят стаи мелких птичек, караваны журавлей. И вот начинается дождь. Ничего не видно впереди сквозь сплошную занавесь дождя. Мокнут перья, крылья тяжелеют. Лететь дальше становится не под силу. Стая за стаяй, караван за караваном опускаются на землю. Здесь усталые, обессиленные птицы попадают в когти и в зубы хищникам.

В густом тумане совсем теряют направление даже

привыкшие к ночной темноте утки. Не видят, что мчатся прямо на скалы, и с разлету разбиваются о них. Или заметят сквозь молоко тумана яркий огонёк, который ослепляет глаза. И головой, грудью трескается сразу десяток передовых в стае уток о крепкое стекло морского маяка.

А страшные осенние бури?

Хорошо, если есть, где от них спрятаться, если можно переждать их. Но вот стаю аистов, стаю ласточек ураган застал над морем— далеко от берегов. Свирепый ветер ломает перья, сбивает крылья, гонит птиц совсем не в ту сторону, куда им надо. Многих, смяв в комок, швыряет в волны. И счастье, если птицы приметят в море пароход: забыв свой страх перед людьми,

птицы опускаются на мачты, прямо на палубу — лишь бы куда-нибудь присесть, прижаться — отдохнуть.

Ласточки отличные летуны, да и аисты долго могут держаться в воздухе. А вот перепёлки, дергачи, курочки болотные летают плохо. Так плохо, что поднимаются на крылья только в крайнем случае — если уж нельзя незаметно удрать от врага, прятаясь в траве. И летят тихо, тяжело, неуклюже. И путь свой к далёким зимовкам в Африку эти сухопутные птицы совершают по ночам.

Но по дороге в Африку лежит широкое Средиземное море. Дергачи, курочки перелетают его через узкий пролив. А перепёлки летят напрямик через всю ширь моря. И по дороге им приходится присаживаться для

отдыха прямо на воду. А пловцы они ещё хуже, чем летуны. И хоть нет и бури, сколько гибнет в волнах этих маленьких курочек!

А что это за белые кольца на ногах у некоторых из перелётных? Эти лёгкие металлические кольца надели им на ноги учёные. Поймают птицу, наденут ей кольцо с номером и названием страны, где она поймана, — и выпустят. Птицы летят — и где-нибудь по дороге или на далёкой зимовке её застрелят или поймут другие люди. Они снимут кольцо и отошлют его тем учёным, которые окольцевали птицу. Или напечатают о своей находке в газете.

Так учёные узнают, какими путями и куда летают зимовать перелётные.

ПТИЧИЙ ГОД.—Зима.

За тридцать земель

Много птиц улетает от нас на зиму за тридцать земель — в другое полушарие Земли.

Иволги, зимородки из Сибири летят в Китай, в Индию. Куличок-краснозобик из далёкой тундры летит через всю нашу страну, через тёплые моря и материки в далёкую Австралию.

Когда у нас зима, в другом полушарии лето. Там земля не покрыта снегом, вода — льдом; там цветут цветы, над ними порхают бабочки — и есть чем поживиться птицам.

Наши перепела, жаворонки, пигалицы, тиркушки кормятся в североафриканских степях. На большой реке Ниле наши утки, водяные и болотные курочки, цапля, кулики смешиваются с африканскими утками, курочками, цаплями и куликами. Там, в стране крокодилов, бегемотов, страусов и львов, собирается в это время тьма-тьмущая птиц. Выстрелит охотник — и не слышно выстрела, такой шум стоит от их криков. Поднимутся все сразу с воды — и солнце затмят. И всё-таки еды на всех там хватает.

Когда прибывают туда наши перелётные, тамошние птицы детей выводят.

И вот, казалось бы, остаться там и нашим птицам навсегда: тепло, солнце светит, еды вволю — можно и за гнёзда приняться.

А вот не поётся нашим птицам на чужбине! Не завивают они там гнёзд, не несут яиц, детей не выводят. Даже если разобьются на парочки, живут все вместе, стаями, дожидаясь, когда можно будет лететь обратно на родину.

И только у нас повернёт солнце к весне — хоть ещё снег и лёд, — заволнуются наши перелётные за тридевять земель, стая за стаей тронутся в путь.

Летят не спеша, с остановками, как осенью, и попадают к нам как раз к весне.

Но не все перелётные улетают от нас на зиму в жаркое полушарие. Есть утки, что выводятся в Сибири, а осенью летят одни — на запад, другие — на восток.

Один только твёрдый закон для всех перелётных:

всякая птица зимует там, где зимовали её родители, её деды и прапрапрадеды. И ещё надо сказать: наша Родина так велика, обширна, широка, что прилетит птица зимовать за тридевять земель — из холодной тундры на тёплое, никогда не замерзающее море, — а из нашей страны и не вылетала. Есть и у нас такие места, где не бывает ледяной зимы. Стаи северных птиц зимуют у нас по берегам Каспийского и Чёрного морей. Зимой приедешь на самый юг Закавказья — под Ленкорань, — и покажется, что в Африку попал. Черно там в заливах от уток, лысух, бакланов, бело от лебедей и пеликанов, а по берегу важно расхаживают красивые краснокрылые фламинго, и между их высоких ног семят всевозможные кулики и курочки.

Тут их места зимовок.

ПТИЧИЙ ГОД.—Зима.

Зима у нас

А многие птицы совсем и не улетают от нас на зиму.

Из всех кур одна только перепёлка — перелётная, а рябчики, тетерева, глухари, куропатки, фазаны живут круглый год на одном месте. Из мелких птичек воробьи никуда не улетают от нас, овсянки, синицы, дятлы, сойки, сороки. А где есть незамерзающие воды, на них остаются зимовать даже утки, лебеди.

Тихо в лесу зимним утром. Чернеют стволы и сучья голых деревьев. На зелёных лапах елей и сосен лежат пухлые подушки снега. Ни шелеста, ни звука. И кажется: нет никого во всём лесу.

Вдруг точно живые цветы запорхают между деревьями, мелькнут жёлтым, красным, оранжевым, повиснут на еловых лапах. Лес наполняется звонкой перекличкой тоненьких голосов. И на голову удивлённому путнику посыплются шишки.

Это стайка яркопёрых крестоносных клестов (1) облепила ели, обрывает шишки, лущит из них семечки.

А через несколько минут так же неожиданно вспорхнёт — и дальше.

Краснеет уцелевшая на рябине гроздь ягод. И уж не пропустит её пролетающая стайка красивых хохлуш-свиристелей (2), всю обдерёт.

С весёлым писком и свистом пролетят сини-

цы (3), рассыплются по ветвям, начнут вертеться на них, точно крошечные обезьянки. Вниз головой по стволу побежит голубой поползень (4), поднимаясь ему навстречу вверх по стволу, закружит коричневая пищуха. С ними и пёстрый дятел (5). Постучит по суку носом, крикнет отрывисто, сорвёт с ветки шишку и понесёт её в свою кузницу. Кузница у него на пне, там щель, дятел сунет в неё шишку и давай долбить, расклёвывать.

А тут ещё над тяжёлой серой тучей поднялось солнце. И вдруг из чаши брызнула, полилась громкая птичья песня. Это обрадовался солнышку крошечный бойкий подкоренник.

Путник вышел из леса в поля. Там тоже птицы: с треском вырвалось из кустов большое стадо серых куропаток. На торчащих из-под снега мохнатых головках чертополоха сидят щеглы. А впереди на дороге перелетает стайка чёрно-белых снежных подорожников—пуночек.

Уж не та ли самая это стайка, что первая прилетела в гости к полярникам на их одинокую льдину под Северным полюсом?

Не только пуночки— и другие полярные птицы прилетают зимовать к нам под Москву, Ленинград, Казань, Киев: чечётки, сокола, белая сова. Там им нечего есть, а у нас хватает.

Много крох перепадает птицам с человеческого стола. Поэтому зимой многие птицы жмутся к человеческому жилью. Зимой среди деревни часто заметишь красивую сойку с ярко-голубыми перьями на крыльях, а летом её и в глаза не увидишь: заберётся в чащу и не показывается.

Голодом страшна зима птицам, а не холодом. Сыта птаха — и тепло ей под пухом и перьями.

МЫ И ПТИЦЫ

Как птицы за нас воюют

Неисчислима армия врагов человека в лесу, в поле, в садах и огородах. Крошечные это враги, но их так много, что людям самим их не перебить, не отбиться от них. И если б не великая армия птиц, погибли бы от них все наши леса, поля, сады и огороды, — настал бы ужасный голод.

Страшные эти враги — гусеницы, бабочки, жуки и множество других насекомых.

Они портят и поедают листья, траву, точат корни, стволы, ветви, кору кустов и деревьев. У всякого растения есть свои страшные враги из насекомых, а особенно много их у хлебных злаков, у огородных овощей, фруктовых деревьев.

Грачи, скворцы, галки, чайки, ходят за пахарями и выковыривают из поднятой земли личинок жуков. Печники осматривают каждый листик, крошечные корольки — каждую хвоинку, хватают сидящих там гу-

сениц. Стаи синиц, пищух, поползни и дятлы не только летом, но и зимой обшаривают стволы и ветви всех деревьев, заглядывают в каждую щёлочку и скважинку коры, — вытаскивают оттуда спрятавшихся личинок, бабочек, жуков-древоточцев, листогрызов, короедов.

Растения не могут сами защищать себя от насекомых, насекомые беззащитны против птиц. Только вот не могут певчие есть волосатых, мохнатых гусениц: волоски набьются им в желудок, в горло и задушит птичку. А мохнатые гусеницы особенно вредны: они часто выходят широким тесным строем, поедают всю зелень на своём пути. К тому же волоски у них обрываются, ветер носит их по воздуху, засоряет ими глаза скоту и людям, скот бесится, люди болеют.

Но есть управа и на волосатых гусениц: с ними справляются иволга и кукушка. Они особенно любят волосатых гусениц и отлично их переваривают. Где только появятся густые полчища волосатых гусениц, сейчас туда слетаются кукушки со всей округи и клюют ненавистных человеку «червяков».

Страшна полям саранча. Бывает — налетит тучей и дочиста изгрызает весь хлеб, одна пыль остаётся. Но на тучу саранчи идёт туча розовых скворцов — и саранчу поедает.

Другая неисчислимая армия врагов не меньше страшна хлебопашцу, огороднику, садоводу — армия зверьков-грызунов: мышей, полёвок, сусликов, хомяков, зайчат. И от этих врагов тоже защищают нас птицы. Но тут уж не певчие воют, а хищные.

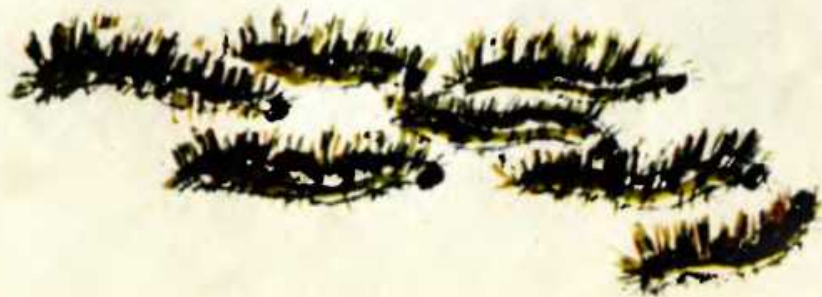
Днём высматривают в траве мышат, полёвок зоркие глаза маленьких соколов — кобчика, пустельги; сами кормятся и детей своих кормят мышами луни, каниюки. Сильные кречеты, балобаны, орлы и подорлики без промаха ловят сусликов, хомяков.

А ночью охотятся за хомяками, мышами, полёвками совы и филин. Крючковатые, острые, сильные клювы и когти — оружие птиц в этой никогда не прекращающейся войне.

И, без числа уничтожая грызунов, великую услугу оказывают хищные птицы нам, нашим полям, огородам, садам.

Кобчик

МЫ И ПТИЦЫ

Как ещё работают на нас птицы

Мыши, полёвки, суслики и другие мелкие грызуны вредят нам не только тем, что грызут растения. Они ещё разносят чуму. Уничтожая грызунов, хищные птицы ещё спасают нас от этой страшной болезни.

Птицы несут и санитарную службу. Ворон, коршуны, громадные грифы, орлы повсюду высматривают трупы павших зверей и птиц и уничтожают их. Этим тоже они оказывают нам большую услугу.

Часто сердятся на птиц, что они едят ягоды. Дрозды, например, и свиристели очень любят рябину, целыми стаями налетают на неё.

Но и тут птицы приносят нам больше пользы, чем вреда. Ягоды-то они съедают, а косточки уносят далеко от дерева. Там косточки попадают в землю, и на будущий год из них вырастают молодые рябинки. И выходит, что птицы разносят семена и сажают для нас леса.

Совсем особенную службу несут в лесу дятлы.

Как внимательный врач, дятел осматривает, выстукивает, выслушивает каждое дерево. И если дерево поражено, в его теле есть вредные личинки — дятел принимается долбить его. По следам работы дятлов легко узнать, заражён лес или здоров.

Но этого мало: дятел не только вроде врача, он ещё и вроде плотника. За свою жизнь он выдалбливает десятки дупел, и его дупла служат домиками для скворцов, мухоловок, горихвосток, синиц и других очень полезных птичек.

Диких уток, гусей и кур держат в неволе, и они отлично несут нам яйца, выводят утят и цыплят.

Хищных птиц приучают, обучают — и они охотятся для хозяина — человека. Небольшие ястреба — тювик, перепелятник — и соколки — чеглок, дербник — отлично ловят перепёлок, куропаток, уток-чирков и другую малую дичь. Крупные ястреба и сокола ловят не только большую дичь, но и зайцев, а орлы — и коз, и антилоп, и лисиц, и даже волков. Вольный орёл никогда не решается напасть на этого страшного зверя, а обученный человеком смело нападает на матёрого волка и хватается одной лапой за шею, другой за морду, держит его так, пока не подоспеет на коне охотник.

Так птица служит человеку вместо охотничьей собаки, да ещё и получше её. А может и такую службу сослужить, с которой ни одна собака не справится.

Баклан, или, как ещё его зовут, морской ворон, замечательный ныряльщик и очень ловко ловит рыбу.

Баклана можно научить таскать из воды рыбу для хозяина. Рыбак берёт его с собой в лодку, надевает на шею кольцо и пускает баклана нырять на длинной привязи.

Поймать-то рыбу баклан поймает, а проглотить не

может: кольцо ему мешает. Он возвращается на лодку и добычу свою отдаёт хозяину. Когда наловит так много рыбы, хозяин кольцо с него снимает и накормит досыта.

И ещё одну службу — великую службу — сослужили птицы человеку: у них человек научился летать.

Только когда человек внимательно изучил крылья разных птиц, когда учёные изучили птичий полёт и строение всего тела птиц, — только тогда изобрёл человек самолёт и планер и вслед за птицами поднялся в воздух и победил воздушный океан.

МЫ И ПТИЦЫ

Дичь и охота на неё

Дичь даёт нам нежное, вкусное мясо, пух и перья для подушек и пуховиков, украшения на шляпы, а наши северные народы ещё недавно шили себе из утиных, гусиных, лебединых и гагарьих шкурок лёгкие, тёплые и непромокаемые одежды.

Добывать осторожную дикую птицу трудно, и вот охотники придумали много хитрых способов ловить её.

Вывели совсем особенные породы собак — легавых: пойнтеров, сеттеров.

Простая собака носится впереди хозяина и всех птиц распугивает. А легавая как зачует дичь — разом стоп! И замрёт. Ждёт, когда хозяин подойдёт.

Это называется — с т о й к а.

Дичь перед носом собаки притаится, прижмётся к земле: авось да не заметят её! Лежат птицы, не шелохнутся.

Подойдёт к собаке охотник, приготовится и велит собаке: «Вперёд!» Тогда легавая поднимает выводок на крыло — совсем близко от хозяина.

С легавыми охотятся летом на выводки глухарей, тетеревов, куропаток, стрепетов, вальдшнепов, дупелей, бекасов. Осенью тетерева и глухари перестают держать стойку. Тогда легавые уж не годятся для охоты на них — и охотники ходят с лайками.

Лайка садится под деревом и тявкает на птицу. Глухарь расхаживает по ветке и сердито урчит на неё: знает, что собаке не влезть к нему на дерево.

А охотник уж слышал лай и тихонько из-за леса подкрадывается к птице.

Утки даже летом не держат стойки. Охотятся на них с лопухими собачками спаниелями. Маленький спаниель пролезает под кустами, в густой траве, в камышах и выгоняет спрятавшихся там уток. Спаниели отлично плавают, даже ныряют и приносят хозяину утку, куда бы она ни упала.

На уток охотятся и с челна, натывав по бортам его веток или камыша, чтобы не было видно охотника.

Весной делают на берегу шалашку и около неё пускают на воду привязанную подсадную утку.

Подсадная кричит: зовёт к себе диких своих подруг. Смелые селезни подлетают к ней — и охотник их стреляет. А нет подсадной — охотник выставляет перед шалашкой раскрашенные деревянные чучела уток и сам крикает в манок. Утки прилетают и подсаживаются к чучелам.

С чучелами охотятся ещё на диких гусей и на тетеревов поздней осенью, когда они соберутся в стаи.

Гуси — очень осторожные и зоркие птицы. Деревянными чучелами их не обманешь. Набивают шкурки убитых гусей, вставляют им стеклянные глаза. И тогда — в сумерках зорь — дикие гуси обманываются и целым табуном опускаются к чучелам.

лайка и
ребятишки

Тетерева не так осторожны: их легко обмануть простым суконным чучелом, набитым соломой, и с блестящими пуговичками вместо глаз. Один охотник сидит в шалашке под чучелом, другой объезжает стаю тетеревов верхом на лошади, сгоняет её с места — и птицы сами летят к чучелам.

Из шалашки стреляют тетеревов и весной — на току, где у них играшка — бой. Тут не надо уж и чучел: косачи сами слетаются на знакомую поляну.

Надо хорошо знать жизнь и повадки дичи, чтобы удачно на неё охотиться. Охотники знают, что утки на ночь летят в поле жировать, кормиться зерном, а на день — спать в камыши и болото. И подстерегают уток

на перелётах. Знают, что весной лесные кулики вальдшнепы с цыканьем и хорканьем носятся над лесом после захода солнца и ждут их с ружьём на опушках. Знают, что белые куропатки ночью приходят на яркий свет, — и разжигают костёр, а сами прячутся неподалёку. И знают, что большой бородатый лесной петух — глухарь ничего не слышит, не видит, когда поёт весной. Песня у него короткая, негромкая: «Тэк! тэк!» — и закирлычет. И вот когда он скирлычет, охотник подсккивает к нему. Скачок, другой — и стал как вкопанный. Глухарь замолкнет, оглядится, прислушается: всё тихо, ничего кругом не движется. И опять запоёт. А охотник ближе, ближе, и даже выстрела не услышит глухарь под свою последнюю песню.

жаворонок

МЫ И ПТИЦЫ

Певцы

Маленький полевой петушок — серенький перепел — не певчая птица. Кричит: «Подь полоть!» или: «Спать пора!» или: «Би-да-на! Би-да-на!» Повторяет этот крик много раз подряд — только и всего. А есть любители: за бидану эту серенькую — за перепела — своего осла отдадут, коня отдадут, верблюда отдадут. Так приятно, так звонко, так сладостно кричит маленький полевой петушок.

Что ж говорить о настоящих птицах-певцах. Их множество, и голос каждой по-своему ласкает наш слух.

Флейту напоминают голоса золотой иволги, маленького лесного жаворонка — юлы, серенькой славки-черноголовки. Но иволга кричит пронзительно, коротко, радостно: «Фиу-лиу!». Юла сочно и мягко выводит своё долгое «люли-люли-люли!», а черноголовка вплетает в свою лёгкую песенку разные приятные лесные звуки.

Нежной грустью — как капельки в воду падают — звучит голосок пеночки-теньковки: «Те-тинь-ка! Ми-

ла-я! . . .» А белощёкая синица-кузнечик будто бубенчиками вызванивает свою бойкую песенку: «Зин-зи-верр! Скинь-кафтан!»

Мастерица подражать чужому пению пеночка-пересмешка, да и скворец любит вставить в свою рассыпчатую песню неожиданное коленце: то колодезным журавлём проскрипит, то простонет куликом, то щёлкнет, как пастуший бич.

Подивисься мелодичному треску камышевок. Издали заслышав очень сильную песню подкоренника, не поверишь, что певец-то ростом всего с мышонка. А как радуешься весной первой песне зяблика — песне смелой, радостной, боевой!

Но лучшие наши певцы, наши прославленные мастера пения: в лесу — дрозды, в полях — жаворонок, в садах и рощах — знаменитый соловей.

Певчий дрозд первым начинает петь в лесу весенним, ещё морозным утром, последним замолкает вечером. И кажется: все остальные лесные птицы только подпевают ему. Ясным, полнозвучным голосом он на весь лес выводит неторопливую торжественную песнь — настоящий гимн весне.

Ему немногим уступает и чёрный дрозд, только песня

певчий дрозд

у чёрного дрозда печальнее. Маленький красивый дрозд-белобровик, наоборот, как по лесенке, сверху вниз вприпрыжку мчитя голосом беспечно и весело.

Поэт говорит:

Между небом и землёй
Песня раздаётся,
Безысходною струёй
Звонче, звонче льётся, —

и каждый сразу догадается,
что это поёт

Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий.

Каждый слышал полевого жаворонка, каждый радовался серебристым трелям его прекрасной нескончаемой песни.

Жаворонок — певец утра, певец весны, солнца, радости. Кто больше его заслужил похвал и славы!

Один только соловей — «певец любви, певец своей печали» — по словам великого Пушкина.

коростель

Соловей начинает петь с вечера и поёт всю ночь. Он и пулькает — пуль-пуль-пуль! — и клычет, как чёрный дятел-желна, и гусачком гогочет, и юлой кругленько юлит, и нежно пленяет, и трещит, и тук-тук-кает, и лешим раскатисто гогочет, и щёлкает, и свищет, и рассыпается звонкой дробью.

Невольно заслушаешься его в задумчивой ночной тишине. И ничего, что с луга доносится резкий, ржавый крик коростеля, ничего, что в пруду хрипят, урчат и квакают лягушки, а на селе вдруг встрепенутся петухи.

захлопают крыльями, заорут оглушительно, во всё своё петушьё горло: «Ку-ка-ре-ку!» От всего этого ещё только слаще и милей соловьиное пенье.

Нет в мире голоса богаче, гибче и прекрасней, чем голос этой нашей маленькой серой птички.

И только человек поёт всё-таки лучше.

ВСЕ САМЫЕ

Самые лучшие певцы у нас: в роще — соловей, в поле — жаворонок, в лесу — певчий дрозд.

Самые искусные строители: синица-ремез, иволга, ласточки.

Самые лучшие пловцы и ныряльщики. Гагаре только голову опустить, лапками толкнуться — и она уж под водой. Кайра крыльями под водой, как руками, машет и любую рыбку догоняет. Чёмга, когда птенцов надо спасать, берет их к себе под крылья и с ними ныряет.

гагаре

чёмга-
ныряльщик

Стриж

Сокол-
чеглок

Самые лучшие летуны: проворней всех ласточки, но сокол-чеглок и их ловит на лету. Дальше всех и выше всех летают орлы и грифы. Быстрее всех — стриж.

Самые лучшие бегуны и скороходы. В лугах дергач удирает от собаки и ни травинки не заденет. В степи бегунок мчится быстрее зайца. В пустыне саксаульная сойка мастерица бегать по пескам. В полях — перепел первый скороход.

Самые лучшие лазуны. Цапелка-малая, выпь — очень ловко лазает по качающимся камышам, стенолазка — по отвесным скалам, а поползень — по стволам деревьев вниз головой.

Самые дружные — чайки, береговушки, скворцы, — тронь одного, все за него горой.

Самые большие и сильные у нас птицы: орёл беркут, бородач, лебедь кликун и дрофич.

Самые маленькие у нас птички — подкоренник-крапивник-задрихвост и королёк.

Самые яркие: иволга, сизоворонка, щурка, фазаны, султанская курица, утка-мандаринка.

Самые пушистые — совёныши.

Самые смешные: ходулочник — весь-то он как клубочек на спицах, пеликан — нос мешком, колпик — нос ложкой-поварёшкой, топорик — нос расписным колпачком.

султанская
курица

утка-
мандаринка

щурка

сизоворонка